

С банджо и балалайкой по Руси и Штатам

ГРИГОРИЙ ГЛАДКОВ во времена своей бурной питерской молодости начинал как бард, побеждал на конкурсах авторской песни, ходил в КСП. Затем его качнуло в эстраду и рок-н-ролл, и песни Григория Васильевича записали Леонтьев, Боярский, «Земляне». Не забывал он баловать и детишек, сочиняя забавные песенки «А может быть, ворона», «Пой, Вася!» и другие мультики-хиты.

Но все-таки тянуло его сделать свое дело, пойти по нехоженой тропинке. Лучше всего — ведущей на Запад. И в один прекрасный момент Григория, в ту пору уже москвича, осенило: кантри! Он создал в столице РСФСР кантри-клуб, фестивали «Фермер-90», «Фермер-91», «Фермер-92». Съездил в Америку, купил ковбойскую шляпу и клетчатую рубашку и стал папой нового направления на нашей эстраде.

— Григорий, ты молодец, все у тебя в жизни «о'кей», но, знаешь, когда смотрю в «Октябрьском» зале или по телевидению твои кантри-тусовки, то меня не покидает вопрос: наша аудитория ведь могла обойтись без всей этой кантри-музыки, не объявись такой хитрый Гладков...

— Не могла. Кантри есть везде.

— И в Голландии среди тамошних фермеров?

— Есть. И в Голландии, и в Сингапуре. Но для начала надо разобраться — что такое кантри. Настоящий стиль кантри — ужасно скучная музыка. Я ее, честно говоря, не люблю. Это ведь так называемый нэшвиллский стиль, то бишь американская эстрада со своими кобзонами, лещенками. Это песни о любви на трех аккордах, состав с электрическими и стил-гитарами, роскошные костюмы, броши дорогие. Такой вот «американ кантри».

Но есть и иная трактовка этого термина, когда в кантри входит и блю-грасс, и кей-джуд, и рокабили, и стиль кантри-энд-вестерн. Мне по душе именно такой вариант, поэтому наш «Фермер» называется фестивалем кантри- и фолк-музыки.

— Дальше ты мне расскажешь, что Америка — это страна эмигрантов, а значит, и кантри — интернациональный стиль...

— Против истории как пойдешь?! Действительно, эмигранты приехали в Америку со своими инструментами, со своими мелодиями, языка толком не знали. Музыка становилась еще и способом общения. В итоге мы имеем то, что имеем: американский стиль кантри в широком понимании этого термина — как модель мирного сосуществования разных направлений, еще один из способов дружить и сосуществовать.

— То есть это не народная, не корневая музыка?

— Нет, народная, но не принадлежащая одному народу. Согласись, ценная модель для России, где живет около двухсот народов. Так что эта музыка — еще один из вариантов не воевать.

— Но почему же среди тво-

ей «фермерской» команды до сих пор нет звезды, которую пылко полюбил бы наш национальный народ?

— Помнишь, был такой ансамбль под управлением Владимира Назарова, у них еще крутился хит «Ах, карнавал!» — чем не любимый, не популярный коллектив! Жалко только, ребята друг с другом чего-то не поделили, раскололись на несколько команд, ни одной из которых не удалось подняться высоко.

И тем не менее наша «фермерская» музыка нравится всем, пусть не сводя с ума, не доводя до фанатизма. Люди чувствуют свои корни. Как заиграет на эстраде скрипка, любой европеец растет, во многих странах — это свой инструмент. Единственный «темнокожий» инструмент в наших ансамблях — банджо.

Ко мне много раз подходили и музыканты, и зрители, говоря: «Григорий, зачем мы смешиваем разные стили? Давайте сделаем фестиваль одной кантри-музыки. Зачем включать сюда фольклор, зачем нужна группа «Яблоко», хоры бабушек?» Но я им говорил: «Ребята, так сделайте то, что вам хочется, что вам интересно, — я ж разве против?»

Мне же интересно поискать именно точки соприкосновения. Эмблему фестиваля я придумал: скрещенные банджо и балалайка. Я всегда чувствовал себя дома в России, не боялся лишней раз сказать, что я патриот своей державы. И конечно, хотел бы, чтобы у нас звучали русские песни. Но начини сейчас пропагандировать русскую музыку в чистом виде — это пользы ощутимой не даст. Об это многие спотыкались. Столько лет выработывалось небрежение, презрение к этому жанру, к своей культуре. Могли оскорбить: «Эй, деревня!», а имена деревенские стали кличками: «Дунька! Манька! Петька! Степка!» Зато Эдичка, Стасик — здорово, престижно. Не сравнить с Федькой, Марфой. А в кантри — индустрии все

наоборот, рекламная машина вертелась: фермер — это звучит гордо, клетчатая рубашка, шляпа.

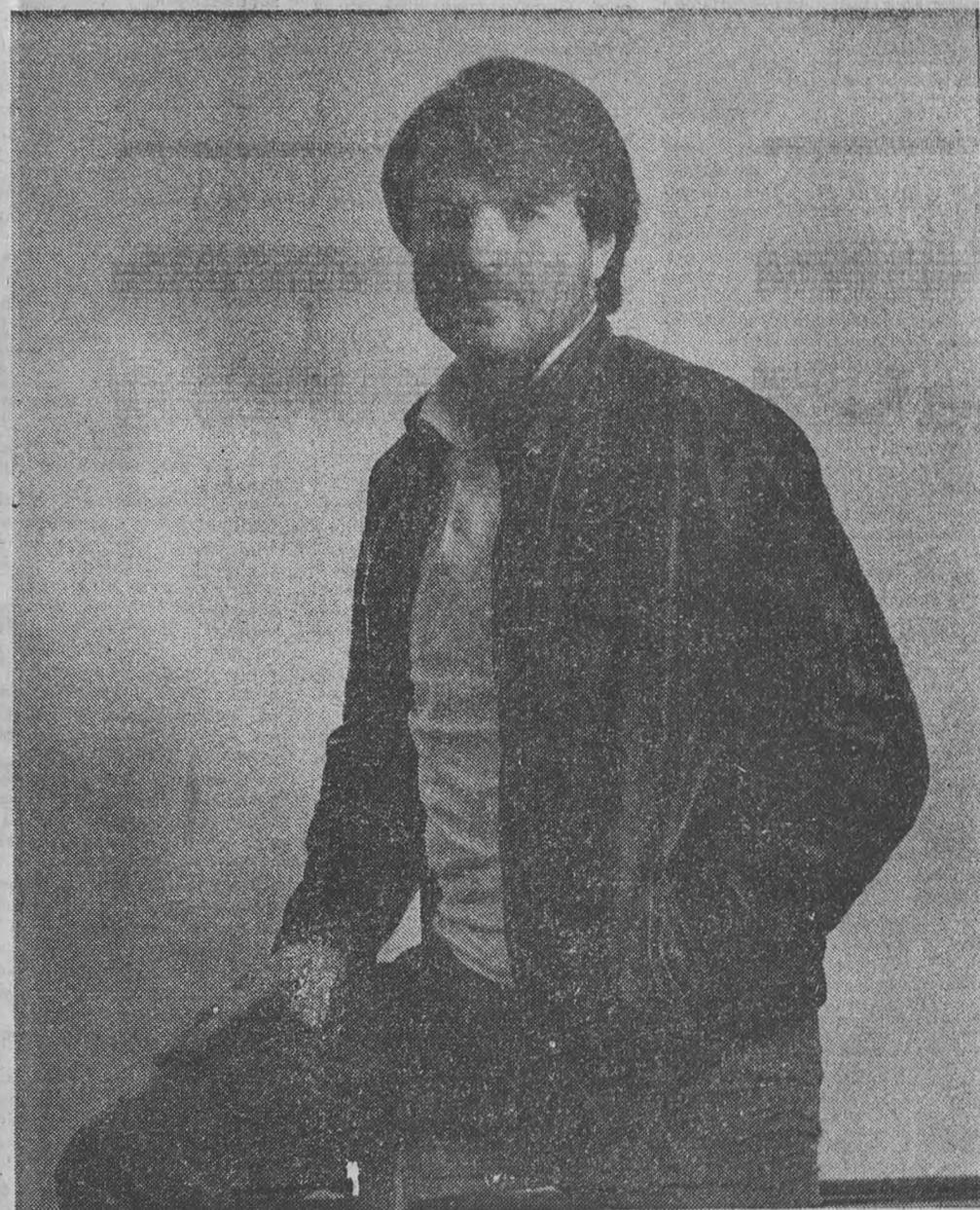
В чистом виде фольклор я пропагандировать не хочу, но и чисто американскую музыку рекламировать неинтересно. Зачем пропагандировать Америку, если она сама прекрасно это сделает?! А вот скрещенье банджо и гитары — это интересно. И нашим зрителям нравится, и американцам. И мне самому неплохо. О нас пишут американские журналы, целые страницы посвящают. Как о композиторе обо мне, может быть, и не написали бы, а как об организаторе клуба — другое дело. Я три раза в Штаты ездил, причем в последний раз у нас с Джоном Макачином были концерты в двадцати городах только перед американской аудиторией...

— Ты уж саморазоблачением не увлекайся! Ведь твой фестиваль, насколько я понимаю, помогает множеству российских музыкантов не заки-

— В Европе и в Америке отлажена система фестивалей музыки не самых популярных жанров. Музыканты могут ездить с одного фестиваля на другой, и каждый раз в новом городе, перед новой аудиторией играть свою любимую музыку. Фестивалем сопутствует праздничная, карнавальная обстановка, у них солидные спонсоры (начиная от «Мальборо», главного попечителя движения кантри-музыки), публике это нравится. Вот и мы, когда приезжаем в Брянск или на Дальний Восток, то делаем для городов праздник, собираем публику, даем музыкантам наиграться.

— Твои «фермеры» с балалайками и банджо хоть что-то зарабатывают на этих фестивалях?

— По-всякому. Этот год вообще самый ужасный в финансовом отношении. Но спонсоры нас постоянно выручают. В Питере выручили СП «Джей-Джей Совет», комбинат имени Тельмана, Санкт-петербургский «Меценат-клуб», малое предприятие «Юркон». Но музыкантам в кайф выступить в хороших залах, пообщаться, пообщаться друг с другом, наиграться. В нашем Доме журналиста сейшн шел шесть часов, и ничего — публика была довольна. Если у нас все хорошо пойдет, сможем проводить сорок-пятьдесят фестивальных концертов в год. Чем плохо? А я вот еще съезжу в Америку и Канаду на фестивали, поучусь у них. Правда, там меня никто не

ждет. Но я уже сам придумал проект, назвал его «Гринбридж».

— А твоя идея кантри-клуба выжила?

— Начинали мы в застойные времена, сделали кантри-кафе, а потом кооперативная торговля смела нас. В Америке полно кафе, ресторанов со своей спецификой — кому с джазовым уклоном, кому с кантри-привкусом. У нас сейчас такое вряд ли возможно. Но со временем положение все равно изменится.

— Понятно, кантри-кафе закрылось. А кантри-клуб?

— Формально такого тоже нет. Но он существует в наших встречах, домашних посиделках. Может быть, ка-

кой-нибудь крутой меценат задумает кантри-клуб открыть. Да я бы и сам мог контролировать, «пасти» кантри-клуб, если бы имел побольше времени. Когда я его несколько лет назад сделал, думал, что кто-то появится и подхватит мою идею. Куда там!

У нас многие нынче твердят о безработице. Один мой знакомый иностранец на это говорит: «Какая у вас может быть

безработица? Безработица — стоящая — когда все есть. А у вас дороги хорошие есть? Нет. Сахар есть? Нет. Колбаса есть? Нет. И так до бесконечности. У вас просто большинство людей думать не привыкли, вот и не знают, куда себя деть. Масса культпросветработников, которых сегодня сокращают, стонут: куда себя деть? Так возьмите и создайте хотя б кантри-клуб!»

— Н-да, ситуация. Кантри, выходит, нужно российскому народу, появление этого стиля в наших краях глубоко логично и символично. Но не случись Григорию Васильевичу Гладкову лично заняться всем этим хозяйством, вполне возможно, так бы мы и считали кантри чем-то далеким, заокеанским...

Михаил АНТОНОВ
Фото Вадима МИШИНА